

САГАН
Коллекция

Франсуаза
САТРАН

РЫБЬЯ КРОВЬ

Роман

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
UN SANG D'AQUARELLE
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 1987

Перевод с французского Ирины Волевич

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Издание подготовлено
при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17020-9

© И. Я. Волевич, перевод, 1999
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

*Франсуазе Верни,
с обожанием, благодарностью и симпатией*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— *В*нимание! Последний кадр! Снимаем без репетиции!

Возвращаясь к камере, Константин фон Мекк, в течение двадцати лет самый знаменитый режиссер в Голливуде и Европе, а последние три года — в одной лишь Германии, пересек съемочную площадку, и в свете юпитеров ярко блеснули его огненные волосы, медно-рыжие усы и длинные узкие глаза — все это вместе с высокими скулами, крупным носом и пухлыми губами придавало ему — при высоченной, под два метра, гибкой, типично американской фигуре — сходство с казаком, правда с казаком вполне цивилизованным и улыбчивым.

В свои сорок два года Константин фон Мекк прославился как фильмами, так и эксцентричными выходками, и лишь благодаря его таланту и сказочному успеху пуританская нацистская Германия закрывала глаза на его сомнительные эска-

пады, а заодно и на равнодушные к политике. Сделав головокружительную карьеру в Голливуде, женившись там на суперзвезде Ванде Блессен и прожив двадцать пять лет в Калифорнии, он вдруг в 1937 году вернулся в Германию под предлогом съемок фильма «Медея», который заказала ему студия УФА¹, и тем самым бесконечно шокировал и великую Америку, и прочий свободный мир. Все, кто знал Константина фон Мекка — своевольного, остроумного, необузданного Константина, — теперь с изумлением и грустью называли и даже считали его в некотором смысле предателем, тогда как Германия, напротив, отнеслась к его поступку с восторгом и гордостью. Но все это время он снимал только легкие комедии, да и те от раза к разу становились все менее притягательными, а уж политика в них и не ночевала. Ходили слухи, будто Константин фон Мекк отказался от съемок «Еврейки», как и других антисемитских шедевров, причем отказался настолько решительно, что до глубины души возмутил главарей Третьего рейха, и не сносить бы ему головы, если бы его фильмы не сме-

¹ УФА-фильм (Universumfilm Aktiengesellschaft) — германский киноконцерн, основанный в 1917 г. —
Здесь и далее примеч. перев.

шили до слез всемогущего гитлеровского министра культуры и пропаганды доктора Геббельса. Покровительство последнего было признано официально, к великому счастью Константина. Ибо, не говоря уже о симпатии к еврейскому сброду, полнейшем политическом невежестве и весьма прохладном отношении к национал-социалистской партии, Константина фон Мекка подозревали также в чрезмерном пристрастии к алкоголю, наркотикам, женщинам и даже мужчинам, хотя слухи об этой последней склонности развеселили бы немало особ во многих столицах мира. И тем не менее достаточно было бы Геббельсу поморщиться на очередном кинопросмотре, и Константин тут же обнаружил бы, что Мюнхен отделяют от Дахау всего двадцать километров.

Ну а пока Константин фон Мекк, могучий, чуть неуклюжий и улыбчивый гигант в поношенных ковбойских сапогах, перемежающий свои приказы и советы английскими словечками машинально — как надеялись присутствующие, — но неуместно, казался воплощением беззаботной радости на земле.

— Ну, поехали! — возгласил он. — Мод, деточка, напоминаю вам: мы снимаем самый последний кадр этого превосходнейшего любовного фильма, где ваш текст —

один из самых «волнительных» среди всех прочих диалогов. Мне нужно, чтобы вы превзошли саму себя. Начали! Hurry up!¹ Мотор!..

Мод Мериваль, хрупкая, хорошенькая блондинка, начинающая «звездочка» на ролях инженерю, запущенная на небосвод УФА мощными усилиями рекламы, возвела горе очи, которые, по ее мнению, изображали пылкую муку, а по мнению Константина — ужас кролика, зачарованного удавом. Вдобавок ассистент просунул между нею и камерой хлопнушку точно таким жестом, каким предложил бы мне удаву, и, выкрикнув: «„Скрипки судьбы“, кадр восемнадцать, дубль первый!» — исчез из поля зрения.

— Нет, я не могу принять эти розы! Даже эти бедные цветы из ваших рук, граф, терзают мне душу. Их аромат мгновенно умирает. Как я могу?! — спросила Мод напыщенным тоном, еще сильнее подчеркнувшим весь идиотизм текста.

Константин давно уже оценил извращенное очарование диалогов и сценариев, напичканных сентиментальной чепухой, по которым его вынуждали делать фильмы в ожидании согласия на съемки чего-нибудь более серьезного, соответствующего

¹ Живо, быстрее! (англ.)

щего «линии партии». И все-таки фраза «Как я могу?!», произнесенная подобным тоном, грозила рассмешить даже самых чувствительных Гретхен.

— Послушайте, Мод, — сказал он, — пойдемте-ка со мной и давайте разберемся, что за отвращение испытывает к графу ваша юная героиня.

— О, конечно, конечно! — воскликнула Мод.

Константин машинально взял ее за руку, и молодая актриса тотчас уподобилась крошечной куколке в нарядном кринолине рядом с человеком-великаном. Спohватившись, он попытался высвободить руку, но не тут-то было. Он на минуту запомнил, что юная Мод, убежденная и матерью, и импресарио в роковой неизбежности постельной связи актрисы со своим режиссером — особенно если режиссер этот сам Константин фон Мекк, — столкнувшись с его вежливым отказом переспать с ней, вообразила себя женщиной с разбитым сердцем. Он же, хорошо зная, что разница между настоящей и выдуманной любовью, между настоящим и выдуманным страданием очень невелика, держался с Мод ровно, выказывая дружелюбную учтивость. По внезапному наитию он поймал за руку болтавшегося рядом декоратора и потащил его за собой, словно дуэнью. Покинув залитую светом

юпитеров площадку, они втроем двинулись в глубину павильона.

— Что-то не то в этой вашей реплике... — начал Константин, но Мод опять проворно перехватила у него инициативу.

— Да-да, именно что-то не то! — убежденно заявила она, смутно надеясь свалить всю вину на сценариста. — Я не чувствую ее вот тут! — продолжала она и, остановившись, ткнула пальчиком в ложбинку между грудями, давая понять, что именно там вызревает скрытое сопротивление непокорной фразе.

Константин бросил на ее грудь вежливый, но мимолетный взгляд.

— Видите ли, — сказал он, — меня очень смущает это ваше «как...». Вы слишком уж форсируете первое «к» — в результате создается впечатление, будто вы возмущенно зовете нерасторопного официанта в кафе, примерно так: «Кккак-ямогу, подойдите же сюда!» Или вы произносите с чрезмерным изумлением, словно обнаружили перед собой невиданный, экзотический фрукт: «Боже, да ведь это кккак-ямогу!»». Словом, ваше «как я могу» слишком вылезает, понимаете?

Мод не поняла ровным счетом ничего. Она с тоской силилась уразуметь, каким образом в фильме, задуманном в жанре оперетки, появились вдруг какие-то официанты и экзотические фрукты. Но, так

и не поняв, все равно героически закивала в ответ.

— Да-да, вот теперь мне ясно! Боже, как все просто, когда вы объясняете — не правда ли? — обратилась она к декоратору, прятавшемуся за режиссера, и тот кивнул, не поднимая глаз: он увидел, как Константин закинул голову, словно решил проверить, правильно ли поставлен свет; рука его, выпустив наконец запястье декоратора, потянулась к усам и принялась безжалостно ерошить их, собирать к центру, что, по ошибочному мнению их владельца, помогало скрыть усмешку. Декоратор, давно знакомый с этими предвестиями хохота Константина фон Мекка и знавший, насколько хохот этот заразителен, тщетно прислушивался.

— Да... — продолжала Мод Мериваль, цепляясь обеими руками за Константина; тот уже подошел к дверям студии и вдруг круто обернулся, почти оторвав Мод от пола, — в этот момент она уподобилась рыбацкому челноку, взятому на буксир мощным теплоходом. — Да-да, — твердила Мод, — я поняла: вам не нравится первое «к» в реплике «Как я могу?!». Но, простите, куда же прикажете мне его вставить?

Константин и декоратор остановились было, но тут же зашагали дальше, не глядя друг на друга и не отвечая Мод.

Наконец Константин пробурчал:

— Да не вставляйте его никуда — просто будьте по проще... понежнее, что ли... В конце концов, чем цветы-то виноваты? Они ничуть не хуже любых других. А кстати... Анри, нужно заменить букет, этот завял. Так вот, Мод, деточка, ваши злополучные цветы тут совершенно ни при чем — они вам ненавистны лишь потому, что их преподносит граф.

Константин говорил с явным усилением, как заметила Мод, воспламенявшаяся от его речей тем больше, чем отвратительнее, по ее мнению, вел себя декоратор: тот равнодушно отвернулся от них, словно ему наплевать на откровения из уст гениального Константина фон Мекка.

— О, вы знаете, так часто случается! — воскликнула она. — И даже в жизни! Однажды один человек — большая шишка! — решил не то купить меня, не то прельстить с помощью драгоценностей. Это меня-то! — добавила она с усмешкой, скорее удивленная, нежели возмущенная столь тяжким психологическим промахом. — Ну так вот, едва только он выложил на стол это кольцо — а оно было в шикарном футляре и все такое прочее, — едва я взглянула на его лицо и руки, как у меня сразу же возникло подозрение, что кольцо фальшивое, — невероятно, правда? Ну просто в тот же самый миг! С первого

же взгляда эти камни стали мне ненавистны, как вы сказали.

Мод выдержала эффектную паузу и торжественно закончила:

— И самое интересное, что кольцо и вправду оказалось фальшивое! Представляете — стекляшки, и ничего больше!

Но это потрясающее сообщение не произвело на слушателей того убийственного впечатления, на которое рассчитывала Мод. Декоратор просто-напросто повернулся к ним спиной и исчез, а Константин фон Мекка, казалось, буквально зачаровал свет юпитеров. Все так же не отрывая глаз от потолка, он холодно попросил актрису вернуться на свое место.

— Теперь, когда мы обо всем договорились, пора наконец отснять этот эпизод, — сказал он хрипло, махнув рукой в сторону камеры, будто Мод еще неизвестно было, где ей предстоит исполнять свой долг.

Удивленная таким обращением, она уже двинулась в сторону площадки, как вдруг Константин взглянул на двери студии, и что-то в этом взгляде заставило Мод посмотреть туда же. В дверях — надменные, чопорные, примолкшие из почтения к чужой работе, но в то же время явно уверенные в том, что присутствующие заметили и их появление, и их тактичные манеры, — стояли два офицера и два ординарца. Блики на их околышах и сапогах

сверкали, метались в темной глубине павильона, а в дверях, за спиной у немцев, возникали, исчезали и вновь появлялись юркие фотографии из французских газет.

— Господа! — произнес Константин, и Мод опять, в который уже раз, удивилась: отчего во время официальных церемоний голос великого режиссера всегда меняется до неузнаваемости, теряя обычный теплый тембр и становясь трескучесухим? В таких случаях Константин полностью преображался в напыщенно-высокомерного чиновника, а ведь он принимал своих же соотечественников.

— Well, давайте, please, go on!¹ — командовал Константин.

Он упорно говорил по-английски во время подобных визитов, и это вызывало улыбку у Мод: какой же он все-таки ребенок, думала она. И уже собралась заговорить, в полной уверенности, что на сей раз ее не оборвут, ибо в присутствии немцев Константин неизменно демонстрировал прямо-таки восторженное преклонение перед своими актерами и съемочной группой — его «русские» всплески гнева бесследно исчезали, превращаясь в безудержный поток похвал.

— Господа, мы заканчиваем. Последняя съемка! Мадемуазель Мериваль, — доба-

¹ Ну... продолжаем, прошу вас! (англ.)

вил он, на сей раз по-французски, — давайте снимать! А потом будем пить шампанское: мы все заслужили это сполна. Мы все заслужили это сполна, — повторил он тотчас же на безупречнейшем немецком — не оборачиваясь к неожиданным посетителям, но явно специально для них, будто эти офицеры после двух лет пребывания во Франции не в состоянии были понять три несчастные коротенькие фразы на языке завоеванной страны.

Ответом Константину были смешки и понимающие взгляды сотрудников; он вдруг ощутил себя отцом любящих детей. И верно: съемочная группа и актеры очень любили его, и, разумеется, ему было это приятно. Вообще-то, Константин, даже самому себе в том не признаваясь, обожал очаровывать людей, утешать их, забавлять, поражать, защищать, холить и лелеять. Да, он любил нравиться им и мысленно отмечал это с благодушной самоиронией — так он скрывал от самого себя, насколько нуждается в любви. То была интуиция или, вернее, неодолимая внутренняя убежденность, которую рассудок даже не мог четко сформулировать, выразить в словах, — по крайней мере, Константин таких слов не знал.

— Мотор! — крикнул Константин.

— Нет! Нет! Эти бедные розы из ваших рук, граф, источают опасный аромат.

О нет, я не в силах принять эти цветы.
Как я могу?!

На этот раз Мод, вопреки указаниям режиссера и даже собственному желанию, взвизгнула с удвоенной силой: до сих пор она выступала со старым букетом, но по просьбе Константина декоратор заменил его свежим, второпях не закрутив как следует металлическую проволочку, и, когда актриса сунула цветы графу под нос — чтобы он оценил и ее личное к нему отвлечение, и невинность роз, — острый конец проволочки скользнул ей под ноготь и на словах «как я могу?!» безжалостно вонзился в палец. Поэтому в ее голосе прозвучала отнюдь не меланхолия, а совсем напротив — изумление, гнев, даже благородное негодование, словно граф, забыв о своей двусмысленной роли, вдруг нагло запустил руку ей под кринолин.

Эта внезапная смена интонации переполнила чашу хладнокровия Константина: скорчившись за огромным роялем — частью декорации — с очень кстати поднятой крышкой, он уткнулся лицом в шарф и зарыдал от смеха вместе с электриком. В шести метрах от них трясся от хохота декоратор — этот сунул голову в пустые картонки и так и не вылезал из них, весьма напоминая торчащую из помойки донышком кверху пустую бутылку. Зато

офицеры и их свита не увидели в сцене ровно ничего смешного и, одобрительно глядя на Мод, вежливо зааплодировали.

— Константин! — закричала та, замерев в свете юпитеров. — Константин! Герр доктор фон Мекк, — исправила она со сконфуженной гримаской оговорку, показывающую господам офицерам вполне допустимую симпатию актрисы к режиссеру и к мужчинам вообще. — Константин, ну что теперь? Вы хотите отснять еще один дубль? Мне кажется, я сыграла слишком... слишком живо, не так ли? Потому что я укололась.

Мод собралась было, воздев кверху пальчик, продемонстрировать выступившую на нем капельку крови и изобразить хрупкое раненое дитя, но все-таки воздержалась. В конце концов, эти офицеры вернулись с войны, с фронтов России, Африки или еще откуда-нибудь, где кровь льется рекой, и ее рыдания из-за пустяковой царапины не умилят их, а скорее неприятно удивят. Константин выбрался из-за рояля; весь красный и запыхавшийся, с мокрыми глазами, он держался за бок.

— Ну ладно, — выговорил он, — ладно... если хотите... давайте... ох, боже мой! Ну конечно, может быть, вы... вы постараетесь быть более careful... Ах да! Более... более внимательной, более собранной, не так ли, Мод? Ты была великолепна, моя

дорогая, вот именно, великолепно! Но мы отснимем еще один дубль — просто для удовольствия, ладно? И специально для этих господ.

Константин мямлил, заикался, — наверное, у него начинался жар, и Мод решила покончить со съемкой как можно быстрее: не успела отзвучать команда «Мотор!» — как она ринулась в бой.

— Нет, я не могу принять эти цветы. Эти розы из ваших рук, граф, источают опасный аромат. Нет, я не в силах. Как я могу?! Как я могу?! — взвизгнула она дважды, трепыхаясь, словно испугнутая курица.

Константин, без сомнения в восторге от ее игры, ураганом ворвался на площадку и, согнувшись вдвое, стиснул Мод в объятиях; он бормотал: «Браво, деточка, браво, браво, малышка!» Его огромное тело содрогалось от коротких подавленных всхлипов, от немых рыданий, столь трогательных у мужчин. И Мод нежно, как маленького мальчика, баюкала на своем плече этого верзилу, которого весь мир считал бесстыдным, развратным циником. «В этом гигантском теле под личиной тирана я ощутила трепет детского, но гениального сердца», — поведала она на следующей неделе корреспонденту журнала «Синемондьяль» в словах, от начала до

конца продиктованных ей импресарию; на сей раз они точно передавали ее собственные чувства.

— Ну-ну, — пролепетала Мод, даже слегка напуганная столь бурной реакцией, — что случилось, Константин? Что вам не понравилось? Вы хотите отснять еще один дубль?

В ответ она услышала между двумя всхлипами: «Нет, нет!.. Нет! Нет!.. Последний кадр!..» Поразмыслив с минутку, Мод, как ей показалось, постигла причину скорби режиссера: то был конец его фильма, конец «их» фильма. Может быть, он все-таки любил ее? Может, его печалила предстоящая разлука, неизбежная при их профессии? Или в этом фильме было что-то напоминавшее Константину его собственную жизнь, его жену? Пока Мод ломала голову над этой загадкой, Константин беззастенчиво утирал помятое лицо и мокрые от слез усы локонами и белой батистовой косынкой своей героини.

— Ну что вы, Константин, — утешала его Мод, — не расстраивайтесь так: мы еще увидимся. Поверьте, я разделяю ваше волнение. Но надо держать себя в руках: там ведь эти люди, эти военные, Константин!

Режиссер с трудом высвободился из ее объятий, но тут Мод Мериваль шепнула ему на ухо несколько слов, от которых он

дернулся, словно от удара хлыста, и вновь припал к ее плечу, несказанно удивив этим продюсера УФА Дариуса Попеску. Ибо Константин, при всем своем ужасающе разнузданном образе жизни, со стыдливым упорством держал его в секрете и категорически запрещал фотографировать себя в интимной позе с кем бы то ни было. Самое большее, что режиссер позволил однажды газетчикам, это сделать снимок, где он, сидя в полуосвещенном ресторане, держит за руку свою супругу Ванду. И вот вдруг, нежданно-негаданно, на глазах у Попеску он сжимает в объятиях юную Мод Мериваль, пряча лицо в ее волосах. Да это же просто scoor¹ в жизни Дариуса Попеску как продюсера, так и мужчины. Было отчего впасть в экстаз!

Между тем Мод не сказала Константи-ну ничего потрясающего — она просто шепнула ему: «Вы маленький мальчик, господин фон Мекк, — мальчик-с-пальчик, который превратился в великана». И Константин, чей рост был метр девяносто пять, Константин, который в отелях, салонах и на улицах предпочитал сделать крюк, лишь бы не встретиться с бывшей любовницей, опять — в который уже раз! — поддался на эту нехитрую улов-

¹ Сенсационная новость (*англ.*).

ку; скорее всего, у него сдали нервы или рассудок. В конце концов, он уже чертову пропасть времени снимал эти идиотские штуки — плоды дебильной фантазии сценаристов УФА, пропитанные тошнотворным духом немецкой добропорядочности и чувствительности в худшем смысле этого слова. Но на сей раз чаша его терпения переполнилась. Нет, хватит уж соглашательства, теперь он потребует своего: пускай УФА даст ему снять «Пармскую обитель», и тогда, может быть, Ванда — Ванда Блессен! — сыграет у него герцогиню Сансеверина. Ах, то была, конечно, недосягаемая мечта, но слишком уж соблазнительная, чтобы ее не лелеять.

Если Константин позволял себе сетовать на тупую сентиментальность сценаристов и германский конформизм, то Дариус Попеску, напротив, имел все основания поздравлять себя с ними. Родившийся в Ливане от матери-ливанки и неизвестного отца, Попеску из-за своего горбатого носа и курчавых волос не однажды попадал в критическое положение во время проверок и облав. По счастью (которое пока неизменно сопутствовало ему), он если не являлся в глазах гестапо полноценным арийцем, все же был в достаточной мере левантинцем, чтобы снисходи-

тельный германский расизм не уступил места другому — смертоносному. И, стремясь подчеркнуть перед нацистами эту ставшую для него жизненно важной разницу между евреями и прочими уроженцами Ближнего Востока, Попеску год назад по собственной инициативе вызвался поставлять им неоспоримые доказательства своей расовой лояльности — неоспоримые, поскольку то были живые люди.

Вот почему в свете данной научной проблемы ему пришлось недавно донести гестапо на двух чистокровнейших представителей еврейской нации, то есть на декоратора Вайля, по документам Пети, и электрика Швоба, по документам Дюше; оба они были взяты в группу Константином фон Мекком — «незнайкой» Константином, который на сей раз оказался информированным не хуже Попеску, более того — нанял обоих ассистентами именно потому, что узнал об их национальности. Но чиновникам по расовым вопросам во Франции пришлось еще некоторое время погрызть удила, прежде чем они смогли дать ход доносу Попеску, ибо министр информации и пропаганды Йозеф Геббельс тремя годами раньше самолично запретил хоть в чем-либо препятствовать съемкам Константина фон

Мекка. Попеску дрожал целых три недели, боясь, как бы его «живые доказательства» не сбежали до ареста; хотя и тот и другой выглядели куда большими арийцами, чем он сам, их имена — Вайль и Швоб — звучали совсем иначе, нежели Попеску — фамилия, по мнению ее владельца, вполне двусмысленная, а значит, и невинная.

Ну а пока суд да дело, съемки фильма завершились, ординарцы немецких офицеров уже втаскивали на площадку ящики с шампанским, Константин импровизировал короткий прощальный спич, а Швоб-Дюше и Вайль-Пети в последний раз — в неведении своем — поздравляли себя с тем, что выжили, и, стало быть, им, счастличикам, везет.

— Эй, друзья! Давайте-ка выпьем шипучки, забудем о делах да повеселимся немного!

Прислонясь к штативу камеры, Константин одной рукой обхватил его за верх, как женщину — за шею, а в другой — сжал бутылку шампанского. Потрясая ею, словно знаменем, он одновременно пальцем расшатывал пробку, которая наконец с оглушительным шумом вылетела, пробив фальшивое окно декорации и ударившись в огромный, фальшивый же, дон-

жон¹, куда выходило это окно; донжон тут же съежился и выпустил воздух, как проколотый шарик на ярмарке. При этом хлопке немцы автоматически схватились за револьверы, а тем временем из бутылки вырвалась шипящая пена и окатила плащ, руки и плечи Константина; тот, глазом не моргнув, спокойно поднял бутылку и опрокинул ее себе на голову. Белая пена пузырилась и лопалась у него на волосах, заливала глаза, а он хохотал вовсю, бурно и заразительно, словно восемнадцатилетний мальчишка.

— Камраден! — вскричал он, обращаясь к своей группе драматическим фальцетом, воздев руки и вращая глазами, словно буйный сумасшедший, что придавало ему сходство с неким другим современным оратором и заставило слушателей испуганно поежиться; потом он заговорил нормальным тоном: — Друзья мои, я благодарен вам за вашу работу и терпение. Без вас я никогда не снял бы такое кромешное идиотство, такую вселенскую чушь, как наши «Скрипки судьбы». Спасибо! Bravo! — закончил он, бурно аплодируя и от всей души надеясь, что слова «идиотство» и «чушь» не входят в лексикон стоящего сзади переводчика.

¹ *Донжон* — средневековая сторожевая башня.

Саган Ф.

С 13 Рыбья кровь : роман /Франсуаза Саган ; пер. с фр. И. Волевич. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 256 с. — (Саган. Коллекция).

ISBN 978-5-389-17020-9

Франсуазу Саган называли Мадемуазель Шанель от литературы. Начиная с самого первого романа «Здравствуй, грусть!» (1954), наделавшего немало шума, ее литературная карьера складывалась блестяще, она с удивительной легкостью создавала книгу за книгой, их переводили на различные языки, и они разлетались по свету миллионами экземпляров.

В романе «Рыбья кровь» (1985) действие происходит во Франции в 1942 году. Константин фон Мекк, немецкий режиссер, чья карьера в основном связана с Голливудом, снимает фильм для принадлежащей нацистам киностудии. Он иронически относится и к соотечественникам, и к тем, кто протестует против жестокости полиции, и в то же время пытается спасти двух работающих на съемках евреев, восстает против применения пыток, но в принципе не осуждает ни нацистскую Германию, ни тех, кто сотрудничает с новой властью. Ловелас, талантливый режиссер, он любит жизнь и женщин — особенно прекрасную Ванду. Лишь жестокое потрясение способно заставить этого человека с рыбьей кровью взглянуть в лицо фактам.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНСУАЗА САГАН РЫБЬЯ КРОВЬ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Мария Левина, Анна Быстрова

Подписано в печать 06.09.2019.

Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 11,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-CFS-25508-01-R